

Сергей Митрохин

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПРОРЫВ И КОНСЕРВАТИВНЫЙ ТУПИК

Сергей Митрохин

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПРОРЫВ И КОНСЕРВАТИВНЫЙ ТУПИК

Москва

УДК 329.11/.12-027.21(470+4)
ББК 66.1-17 + 66.1-18
М67

Митрохин С.С. Либеральный прорыв и консервативный тупик. – М.: РОДП ЯБЛОКО, 2014. – 32 с.

М67

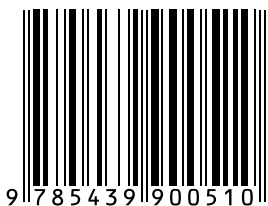
Брошюра подготовлена на основе доклада, сделанного на конференции Альянса либералов и демократов за Европу и Партии ЯБЛОКО «Либеральные ценности и консервативный тренд в европейской политике и обществе», прошедшей 11 октября 2014 г. в г. Москве. Автор рассматривает консервативные и либеральные идеологемы в западном и российском варианте, тупики российского нового консерватизма и задачи либеральных сил в России.

УДК 329.11/.12-027.21(470+4)
ББК 66.1-17 + 66.1-18

Изготовитель: ООО «АВК-Пресс», адрес: 105122, г. Москва, ул. Амурская, д.18, ИНН 7718933447.

Заказчик: Политическая партия «Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО». Тираж 1000 экземпляров.

ISBN 978-5-4399-0051-0

© Митрохин С.С.
© Партия ЯБЛОКО

Содержание

Вступление	4
1. Отношение к традиции	5
2. Отношение к модернизации	7
3. Модернизация: фактор успешности	8
4. Государство-рантье	10
4.1. Социальная база оппозиции в государстве-рантье	12
4.2. Консерватизм как защитная реакция элиты-рантье	13
5. Отношение к патриотизму	13
6. Жупел «оранжевых революций»	14
7. Трансформация ценностей: консервативный тренд.....	15
8. Консервативная атака на общество	21
9. Последствия консервативного разворота.....	22
9.1. Угроза территориальной экспансии.....	22
9.2. Угроза фашизма.....	23
9.3. Угроза человеческому капиталу.....	23
10. Миссия либерализма	25
10.1. Реабилитация демократии.....	26
10.2. Работа с «креативным классом».....	26
10.3. Раскрепощение национального человеческого капитала	27
10.4. Российский путь к экономике знаний.....	28
10.5. Формирование альтернативы	31
10.6. Нить Ариадны	32

Вступление

В последнее время партия власти все более однозначно позиционирует себя в качестве некоей «консервативной» силы. В своих посланиях 2013 и 2014 гг. Владимир Путин открыто апеллирует к «консервативным ценностям». Из достаточно маргинального и даже экзотического явления консерватизм превращается в главенствующий политический тренд.

В этом я усматриваю определенный вызов либеральным ценностям, которые лежат в основе позиционирования партии ЯБЛОКО. Отвечать на него нужно обязательно. В то же время, это – хороший повод для того, чтобы еще раз заняться анализом и дополнительным прояснением собственных идеологических установок.

Понятия «либерализм» и «консерватизм» описывают различные идеологии, под которыми дальше будут подразумеваться комплексы кардинально различающихся мировоззренческих ценностей.

Основное различие между этими идеологиями заключается в том, что консерватизм требует соответствия политического порядка традиционным ценностям, а либерализм – ценностям свободы и ответственности личности.

За последние 20 лет позиции этих идеологий в России претерпели полную инверсию. Либерализм из господствующего течения в начале 90-х годов превратился в оппозиционное, а консерватизм - из маргинального течения чуть ли не в официальную идеологию.

Попытаюсь объяснить, почему это произошло, и какие выводы должны из этого сделать российские либералы. Но сначала — еще два замечания о природе этих мировоззрений.

1. Отношение к традиции

Либеральная идеология отличается более универсальным содержанием, поскольку ценности свободы имеют общезначимый характер в разных странах. Консервативная идеология, напротив, сильно варьируется, так как в каждой стране ориентирована на ее национальную традицию, а эти традиции очень разные. Российский консерватизм очень сильно отличается от консерватизма европейских стран.

Для некоторых стран, например Англии и США, ценность свободы относится к базовым, поэтому она поддерживается идеологией консерватизма. Там уместно понятие «либеральный консерватизм». С точки зрения российской традиции это словосочетание – оксюморон.

В российской традиции, вплоть до конца XX века, ценность свободы не была укоренена как базовая, в отличие от ценностей этатизма, т. е. «державности», настраивающих личность на безусловное подчинение воле государства.

Российский политик, претендующий на нишу «либерального консерватизма», рискует впасть в эклектику. Я даже могу назвать имя одного такого политика. Это — В. В. Путин образца 1999 года.

В своей программной речи «Россия на рубеже тысячелетия» накануне миллениума он, с одной стороны апеллировал к «наднациональным, общечеловеческим ценностям», таким как «свобода слова, выезд за границу, другие основные политические права и свободы личности».

Но в то же время он говорил о «другой опорной точке консолидации российского общества, которую можно назвать исконными, традиционными ценностями россиян». Это:

- 1) «патриотизм, связанная с ним национальная гордость и достоинство»;
- 2) «державность или державная мощь»;
- 3) «государственничество. Крепкое государство как источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен».

Совершенно ясно, что реализация этих, действительно по сути традиционных ценностей на практике оставит от «об-

щечеловеческих» рожки да ножки. Что в результате и произошло.

Императив свободы выбора, раскрепощения личности, лежащий в основе успешного развития в 21 веке не имеет ничего общего с культом «державности» и «государственничества» как «движущей силы любых перемен».

Всем, кто в начале «нулевых» задавал вопрос: «Who is mister Putin?», надо было читать эту речь. В ней уже было почти все сказано.

В послании 2014 года идеология Путина выглядит уже гораздо менее противоречиво.

«Здоровая семья и здоровая нация, переданные нам предками традиционные ценности в сочетании с устремлённостью в будущее, стабильность как условие развития и прогресса, уважение к другим народам и государствам при гарантированном обеспечении безопасности России и отстаивание её законных интересов — вот наши приоритеты». Как видим, отсылки к каким-либо общечеловеческим ценностям здесь уже нет. Правда, в следующей части послания содержатся слова о свободе (в основном экономической). Но это уже не «наши приоритеты».

Как «традиционные ценности» могут сочетаться с «устремлённостью в будущее» — президент не объясняет.

Между тем очевидно, что в стране, не имеющей глубоких либеральных традиций, курс на эффективную модернизацию возможен только при отказе от достаточно большого набора традиционных ценностей. Если этого не сделать, то никакого либерального консерватизма в результате не получится, потому что консервативное в этой эклектике быстро проглотит все либеральное. В этом контексте уместно вспомнить опыт модернизации некоторых азиатских стран, у которых традиционная культура также имела мало общего с либеральными ценностями. Успешные реформы в этих странах были обусловлены не просто отказом от ряда традиций, а резким разрывом и даже борьбой с ними. Наиболее яркий пример — реформы Ататюрка в Турции. Но и Великие реформы 60-х гг. XIX века в России, к сожалению, не завершённые, а также столыпинские реформы, демонстрируют высокую степень радикальности разрыва с традицией.

2. Отношение к модернизации

В странах догоняющего развития, к которым относится Россия, роль либерализма и консерватизма в политике определяются отношением этих мировоззренческих систем к проблеме модернизации. Во главу угла выдвигается вопрос: вы за изменения в соответствии с моделью развития успешных стран мира — или вы против этих изменений? Положительный ответ может иметь разные нюансы («правого» и «левого» толка), но он в принципе — либерален, а отрицательный ответ на этот вопрос по сути — консервативен. Ответ, хотя бы они этого или нет, вынуждены давать и левые и правые.

Российская КПРФ, например, сегодня дает резко консервативный ответ, на фоне которого ее «левизна» и «коммунизм» отодвигается на второй план.

В ее идеологии наследие Маркса, Энгельса и даже — Ленина представлено весьма фрагментарно, и эти фрагменты варятся в густом бульоне консервативной эклектики, связанной, в первую очередь, с культом деспотического государства, олицетворяемого личностью Сталина. При этом лидер КПРФ обменивается орденами с главой РПЦ и постоянно апеллирует к авторитету наиболее популярных в народе царей.

Сам же по себе коммунизм в «чистом виде», завещанном Марксом и даже приспособленном к своим целям Лениным, встречается только среди левых маргиналов. Почему так получилось? Дело в том, что классический коммунизм был направлен одновременно против западного «буржуазного либерализма» и против российского самодержавного консерватизма. Поэтому на главном фронте современной «идеологической борьбы» ему нет места.

Из этого всего следует, что левизна КПРФ на сегодня является вторичным политическим признаком, а вот ее консерватизм — первичным. По этому признаку коммунисты консолидируются с ЕР, ЛДПР и СР — т. е. всеми остальными партиями, представленными в Госдуме, у которых тоже есть свои политические отличия, но они также вторичны. Для СР, например, вторична ее риторика в духе европейской социал-демократии. Ключевые голосования СР в ГД противоречат этой риторике.

3. Модернизация: фактор успешности

Более или менее успешная модернизация порождает в обществе достаточно широкую и устойчивую поддержку либеральных ценностей, движений и партий. Чем более успешны результаты модернизации, тем сильнее в обществе запрос на ее продолжение и отклик на пропаганду либеральных ценностей.

Об этом говорят известные специалисты по сравнительному изучению эволюции ценностей в странах мира Р. Инглхарт и К. Вельцель, опирающиеся на материалы Всемирного обзора ценностей (World Values Survey <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>)

«Модернизация в социально — экономической сфере создает объективные предпосылки, позволяющие людям строить свою жизнь на основе собственного выбора. ... Люди начинают требовать свободы выбора и отстаивать ее».¹

Об этом свидетельствует собственно российский опыт позитивных, но незавершенных реформ Александра II, породившей либеральное по своему основному умунастроению Земское движение, которое в 70-е годы 19-го века начало формулировать политические требования, включая принятие Конституции и созыв Учредительного собрания.

Почти в то же самое время революция Мэйдзи в Японии дала аналогичный результат, породив уже через 15 лет Либеральную партию, социальную базу которой составили интеллектуалы и зажиточные крестьяне.

Тот же самый эффект порождали диктаторы, проводившие успешные экономические реформы, например, в Испании под конец правления Франко, на Тайване, в Южной Корее и т.д. В их планы не входила никакая либеральная демократия, но они поневоле становились ее «отцами».

Успешная модернизация — это свежий ветер в паруса либерализма, но и других кораблей тоже. Он подпускает свежие

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М. 2011, с. 13.

дуновения свободы и в консерватизм, делая его либеральным, и в социализм, направляя его в русло социал-демократии.

В качестве примера можно привести Социал-демократическую партию Германии, которая в 1959 г. официально отказалась от концепции классовой партии и марксистских принципов, включив в свою программу «необходимость защиты и развития частной собственности на средства производства». Вне всяких сомнений, это программное изменение произошло под влиянием успешных реформ Людвига Эрхарда, породивших «немецкое экономическое чудо».

Неудачная модернизация порождает совсем другие последствия. В случае неудачных реформ консервативная реакция получает дополнительный импульс для своего торжества, что порождает феномен «реакционного» консерватизма, который отбрасывает любые ценности, противоречащие его трактовкам национальной традиции. Места для уступок идеям модернизации и либеральным ценностям в этом случае уже не остается.

В этом, по-видимому, причина успеха победы религиозного фундаментализма, например, в том же Иране. В России начала 21 века произошло нечто подобное, возможно, еще более трагичное. Реформы Реза-шаха в Иране были, может быть, по сути, и правильными, но — слишком радикальными. Реформы 90-х в России были одновременно радикальными и неправильными, деструктивными для экономики и общества.

Российское общество отторгло эти реформы с такой силой, что за 20 лет произошел крутой разворот в его ценностных ориентациях. Ценности либерализма и демократии подверглись глубокой дискредитации, так как стали ассоциироваться с ограблением российского народа.

Другим результатом реформ стало создание олигархической экономики, на базе которой начала формироваться авторитарная система власти.²

² Формирование в России в 90-е годы «олигархического капитализма» и его связь с авторитарной системой правления подробно изучена в работах Г. А. Явлинского: Периферийный капитализм, М. Интеграл-информ, 2003; Стимулы и институты. Переход к рыночной экономике в России (совместно с С.В. Брагинским), М. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007 и др.

4. Государство-рантье

Объективная потребность в политическом курсе модернизации при этом существовала хотя бы в связи с тем, что в 90-е годы произошла глубокая деиндустриализация страны, которая по уровню своего промышленного развития была фактически отброшена на 100 лет назад.³

Однако очень скоро эта потребность сильно притупилась и сошла «на нет». Это произошло под влиянием такого мощного фактора, как стремительный рост цен на нефть.

С ростом нефтяных цен задача восстановления экономики отпала сама собой. Просто оказалось, что результаты индустриального развития можно купить у других стран за счет доходов от продажи нефти и газа. В распоряжении государства оказались огромные сырьевые ресурсы. Это обстоятельство предопределило судьбу модернизации. Она просто-напросто закончилась.

Вместо трудного курса продолжения модернизации в политике сама собой возобладала «линия наименьшего сопротивления», очень быстро приведшая к созданию государства-рантье.

Для населения России рост нефтяных цен отозвался ростом доходов и улучшением уровня жизни. Не только у населения страны, но и у ее элиты как-то само собой сформировалось ощущение, что именно отказ от каких-либо реформ вообще и является главной причиной благоприятных изменений.

Наличие сырьевых ресурсов создает соблазн, который трудно преодолеть. Вместо реформаторских усилий, направленных на развитие экономики, но чреватых большими рисками для самих реформаторов, можно сразу и безо всякого риска покупать результаты развития у других стран. Это то же самое, что приобретать здоровье не благодаря длительным занятиям в спортзале, а путем покупки лекарств в аптеке.

Есть прецеденты существования государств-рантье в европейской истории. Так, например, великие географические открытия породили совершенно разные стра-

³ См., например, А.И. Трейвиш, Промышленность в России за 100 лет. Россия в окружающем мире: 2002 (Аналитический ежегодник). М. 2002

тегии освоения их результатов. Короли Испании и Португалии монополизировали поставки золота и серебра из Нового света и стали государствами-рантье. Получая эти богатства в огромных количествах, они тратили их на роскошь и увеличение рентно-ориентированной элиты.

В Голландии и Англии государство было не в состоянии монополизировать заморскую торговлю и тем самым стать государствами-рантье. Эти страны воспользовались теми же открытиями для того, чтобы дать простор частной инициативе в организации международной торговли. В результате прихлынувшие ресурсы дали мощный импульс развитию этих стран, а Испания и Португалия на столетия погрузилась в консервативный застой.

Более близкий к нам во времени феномен государства-рантье был хорошо изучен на примере нефтяных арабских стран, анализ которого привел к углублению понимания феномена «страны-рантье»⁴ и крайне отрицательной роли избытка сырьевых ресурсов для развития демократии (т.н. «ресурсное проклятие»).

Контролируя огромные доходы от продажи ресурсов, правительство не нуждается в согласовании этих доходов с обществом и его представительскими институтами. Эта ситуация существенно отличается от положения правительств в странах без больших ресурсов, где правительства вынуждены согласовывать свои доходы с обществом, которое является их единственным источником.

При этом у государства-рантье больше развязаны руки для манипуляции обществом, выражающейся как в патернализме по отношению к лояльным группам населения, так и в ослаблении влияния потенциальных независимых групп.

Манипулирование облегчается еще и тем, что само общество пребывает в расслабленном состоянии. Рентные доходы ведут к снижению экономической и деловой активности, что тормозит развитие в обществе гражданских процессов. В связи с монополизацией основных источников доходов сокраща-

⁴ См. например М. Ross, Does oil hinder democracy? World Politics 53 (April 2001), P. 329

ется количество самостоятельных экономических субъектов, огромная часть населения попадает в материальную зависимость от государства.

С одной стороны, элита государства-рантье не нуждается в изменении существующих институтов. С другой стороны, модернизация по западному образцу требует реформ, ограничивающих власть в объеме и времени. А власть так желанна в условиях, когда распоряжается столь большим объемом ресурсов. Возникает желание стать центром мира, проводить Олимпиады и мировые чемпионаты, перекраивать географическую карту...

Доступность огромного ресурса порождает соблазн удерживать его так долго, насколько это возможно.

4.1. Социальная база оппозиции в государстве-рантье

Но все же всегда остается угроза со стороны меньшинства, живущего в крупных городах, образованного и молодого, которое недовольно своим положением в государстве-рантье, имеет жизненные стандарты, ориентированные на развитие. В основном это часть населения, чья экономическая деятельность связана с обслуживанием «постиндустриального» сегмента экономики, который сегодня есть в любой стране мира, ведь даже самые отсталые страны импортируют из развитых определенные технологии, продукцию и услуги. Страна-рантье покупает этот сегмент как минимум для нужд своей элиты за счет сырьевых доходов. Но специалистов по его обслуживанию в необходимом количестве купить нельзя. Поэтому «постиндустриальный» сектор вовлекает в свою орбиту какую-то часть населения — в первую очередь крупных городов. Речь идет не только о работниках, необходимых для обслуживания этого сектора, но и о потребителях его услуг и продукции, которым навязываются новые стандарты качества и уровня жизни.

В России, где неравномерность регионального развития проходит по линии столица/регионы, было совершенно естественным сосредоточение большей доли этого сегмента именно в Москве.

Именно в столице и дал о себе знать этот «креативный класс», который является сегментом среднего класса, но выделяется из него более высокими стандартами качества жизни и, следовательно, запросом на перемены.

Совершенно естественно, что элита государства-рантье видит в этом классе угрозу своему господствующему положению, обеспечивающему ей преимущества в присвоении ренты, но тормозящему развитие страны.

4.2. Консерватизм как защитная реакция элиты-рантье

Цели сохранения неограниченной власти и связанных с ней ресурсов резко повышают запрос элиты-рантье на консервативные ценности и идеологии, главным содержанием которых становится сопротивление модернизации путем противопоставления ей традиционных ценностей и институтов. Ведь, как известно, консерватизм очень эффективен в качестве охранительной идеологии, защищающий существующие порядки.

Здесь тоже напрашивается аналогия с нефтяными арабскими странами, в которых консервативная реакция против вызовов модернизации выливается в насаждении традиционного ислама.

5. Отношение к патриотизму

Всеобщее «расслабление» элиты в государстве-рантье с одной стороны содействует росту коррупционных скандалов, а с другой — резко ослабляет контрольные механизмы государства. Ведь снижение уровня коррупции — это одно из ключевых направлений тех самых реформ, от которых принципиально отказывается рентное государство.

Это — еще одна причина востребованности консервативных настроений в правящей элите государства-рантье, связанная с тем, что для данного мироощущения органична гипертрофированная апелляция к иррациональным эмоциям, в первую очередь к чувству патриотизма.

Здесь уместно вспомнить известное выражение «патриотизм — последнее прибежище негодяя».

Речь в этом афоризме идет не о естественном чувстве любви к Родине, а о политической ценности, вокруг которой возбуждаются сильные эмоции. Если вы — коррупционер, то вам легче всего отвлечь внимание аудитории от этого неприятного обстоятельства, переключив ее внимание на темы, вызывающие такие эмоции. Чем коррумпированнее элита, тем выгоднее ей разогреть свой патриотизм до накала ксенофобии и шовинизма.

Раздувание патриотической истерии гораздо проще осуществлять с консервативных позиций, чем с либеральных. Императив самопожертвования во имя Родины с трудом совмещается с либеральной ценностью самостоятельности личности. Это не означает, что либералы по определению не могут быть патриотами. Другое дело, что их трудно запугать мнимыми угрозами безопасности Родине, которые сочиняют коррупционеры для раздувания патриотической истерии.

6. Жупел «оранжевых революций»

Страх консервативной элиты перед вызовом со стороны «креативного класса» постоянно подпитывается процессами, происходящими в окружающем мире. Императив постиндустриальной модернизации по всему миру поднимает «креативные меньшинства» многих стран на сопротивление коррумпированным авторитарным режимам, обрекающим эти страны на отставание.

Этим движениям, прозванным у нас «оранжевыми революциями», очень легко приписать координацию из единого центра, который столь же легко представить неискушенным массам как средоточие «мирового зла». В парадигме консервативной идеологии первопричиной этого зла является источник модернизационных вызовов современного мира, т. е. Запад в широком смысле слова.

Первой из таких «оранжевых революций», ускорившей окончательный разрыв путинского режима с курсом на модернизацию, были события на Украине 2004 года, затем была еще «арабская весна», а митинги 2011-2012 годов в Москве показали, что в России такие сценарии тоже реальны.

В результате страх перед призраком «оранжевой революции» стал главным фактором эволюции режима.

С целью самосохранения власть усилила репрессии против оппозиции и развернула наступление на гражданские права и свободы. Началась открытая пропаганда против либеральных ценностей, был взят курс на открытую конфронтацию с Западом.

В течение всех этих десяти лет после первого украинского «майдана» в Кремле непрерывно разрабатывалась программа превентивных мер, упреждающих любые попытки свержения режима. В первую очередь, она включала в себя усиление репрессий против оппозиции, драконовские законы, направленные против гражданского общества, сворачивание прав и свобод и т.д.

В русле этой политики режим осуществил радикальный идеологический разворот к антизападному вектору и соответственно — к конфронтации с Западом.

В период президентства Медведева этот разворот был не остановлен, а только лишь прикрыт и слегка заторможен умеренно либеральной и модернизационной риторикой.⁵

После возвращения Путина в президентское кресло власть с новой силой развернула наступление на оппозицию и гражданское общество, что в значительной мере было обусловлено страхом перед массовыми митингами в Москве.

7. Трансформация ценностей: консервативный тренд

Правящая элита не просто приняла реакционный консерватизм на вооружение как идеологию, она активно внедряет его в общественное сознание с целью трансформировать в нужную сторону саму структуру его ценностей. Одновременно решается задача отвлечения внимания общества от наиболее острых проблем: коррупции, резкого социального расслоения, низкого качества государственных институтов и т. д.

⁵ Цена этой риторики особенно ясна сегодня, когда в роли премьер-министра Медведев реализует полностью противоположную политику.

Тут нет попытки выстроить какую-то логически связную систему. Из исторической традиции берется все, что способно разогревать антизападную ксенофобию и шовинизм.

Поддержка высокого градуса шовинистической истерии, несомненно, является одной из целей внешней политики. Весь 2014 год прошел под знаком консолидации российского государства и общества на борьбу с очередным Майданом на Украине.

Все это приводит к существенной трансформации массовых настроений и ценностных и установок. Для того, чтобы получить о ней представление, я предлагаю использовать известную методологию уже цитировавшихся выше Инглхарта, Вельцеля и др., выработанную в ходе реализации в течение 20 лет масштабного проекта Всемирного обзора ценностей (ВОЦ), позволяющего сравнивать базовые ценностные установки жителей большинства стран мира.

Согласно их теории, в ходе индустриализации происходит переход от традиционной системы ценностей к более рациональной и менее связанной с религией (секуляризованной). При переходе же от индустриальной эпохи к постиндустриальной, основанной на экономике знаний, осуществляется отказ от т. н. «ценностей выживания» в пользу ценностей самовыражения, в центре которой стоит автономная творческая личность.

Несколько обобщая, можно утверждать, что ценности традиции и выживания, как правило, являются опорой консерватизма, а ценности рациональности и самовыражения создают основу либерального мировоззрения в широком смысле этого слова.

При переходе от аграрного общества к индустриальному судьба традиционных ценностей и установок может быть разной. В случае сравнительно быстрого роста благосостояния люди постепенно меняют свои базовые ориентации на более «либеральные».

В случае сохранения суровых условий жизни в ходе индустриализации, в обществе сохраняется приверженность «антилиберальным» ценностям, хотя они и приобретают более

рациональный характер. Это происходит потому, что на первый план более настойчиво выдвигаются цели физического выживания и обеспечения безопасности.

Традиционный комплекс включает в себя еще и повышенный градус «национальной гордости» и ксенофобии, нетерпимости (например, к секс-меньшинствам), и напротив, пониженный уровень доверия к окружающим, находящимся за пределами семьи. Но самое главное в этом комплексе — некритическое доверие к власти, вытекающее из естественной для традиционной личности потребности делегировать ответственность за свою судьбу вышестоящим авторитетам (как божественным, так и человеческим).

В ходе индустриализации по жесткому варианту эти антилиберальные установки консервируются в несколько рационализированном и светском варианте, происходит их десакрализация. Например, ксенофобия переключается с иноверцев на лиц другой национальности, преданность власти — с представлений о ее божественном происхождении на иждивенческие ожидания и т.д. Что же касается постиндустриального перехода, то в его рамках либеральному тренду альтернативы практически нет. Для информационного общества и экономики знаний ценности свободы выбора, автономии личности, ее ответственности за себя и окружающий социум являются основополагающими.

Соответственно, и в отношениях личности с властью имеют место существенные перемены. Если при переходе от традиционного общества к индустриальному происходит десакрализация власти, то при движении в сторону постиндустриального начинается эмансипация от нее.

Согласно международным опросам в рамках проекта ВОЦ, ценностный комплекс населения бывших коммунистических стран (в его усредненном виде) весьма сильно продвинулся от традиционных к секулярно-рациональным ценностям, т. е. по направлению перехода к индустриальному обществу; но очень незначительно — в «постиндустриальном» направлении, от ценностей самовыживания к ценностям самовыражения.

Довольно резкий отход от традиционных ценностей связан в первую очередь с атеизмом — официальной идеологией этих стран в 20 веке. При этом реалии индустриализации, урбанизации, роста образования и т. д. содействовали развитию рационалистической ментальности.

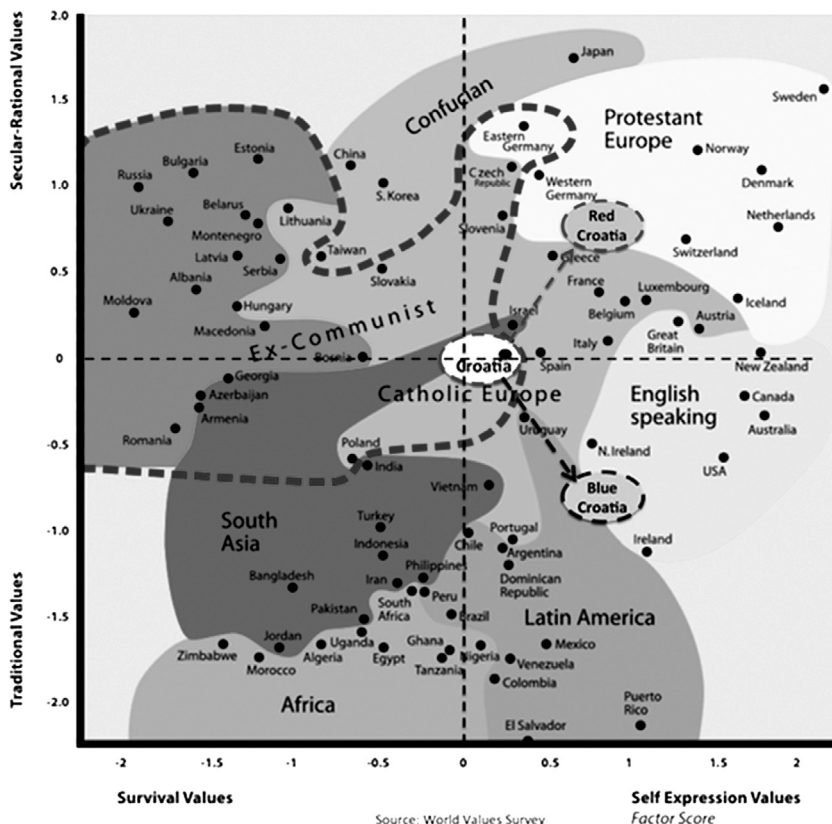

Рис. 1. Ценностные предпочтения населения разных стран мира в 2000 году.

Сопоставив «культурную карту» 2000 и 2013 года, мы видим, что в ряде посткоммунистических стран произошел некоторый откат — обратно от секулярно-рациональных к традиционным ценностям, причем наиболее резким он является именно в России.

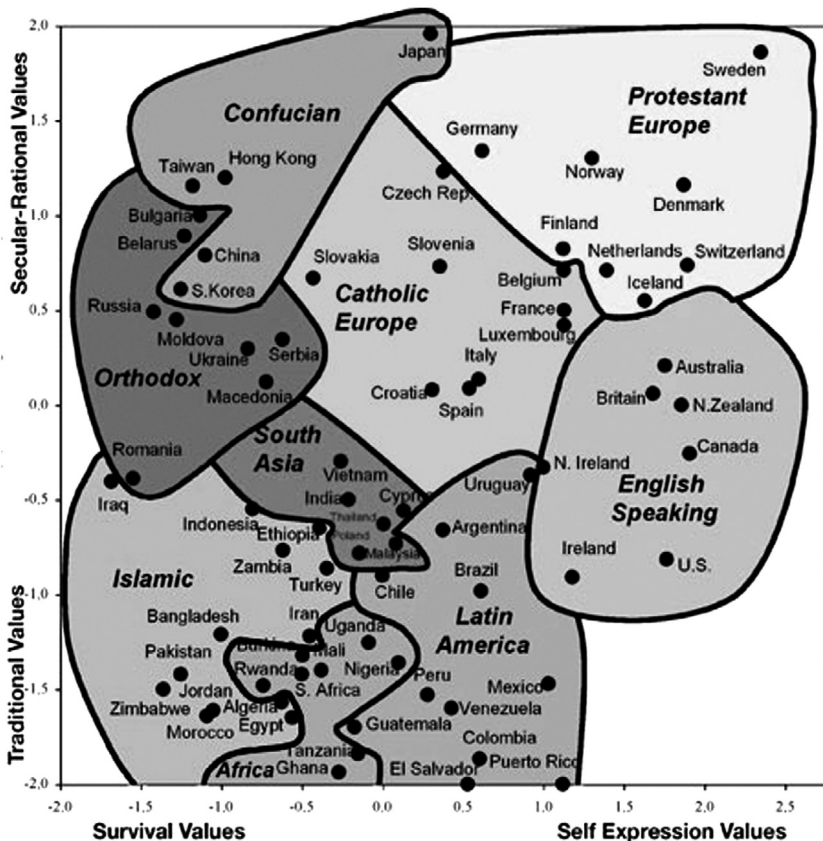

Рис. 2. То же по состоянию на 2013 г. На рис.2 в сопоставлении с рис. 1 видно «сползание» России по оси «традиционные» — «секулярно-рациональные» ценности с 1.0 до 0,5.

Ученые, реализующие проект ВОЦ, заметили эту «уникальность» нашей страны довольно давно. Тенденция «отката» к архаическим ценностным комплексам выделяет Россию не только в мировом контексте, но даже на фоне других посткоммунистических стран.

Причины этого процесса, возможно, коренятся в том, что 1) в стране в результате провальных реформ прошла глубокая деиндустриализация, хотя при этом 2) даже не начался переход к требующей еще большей рационализации постиндустриальной «экономике знаний». Таким образом, род занятий

Changes over time, 1981-2007

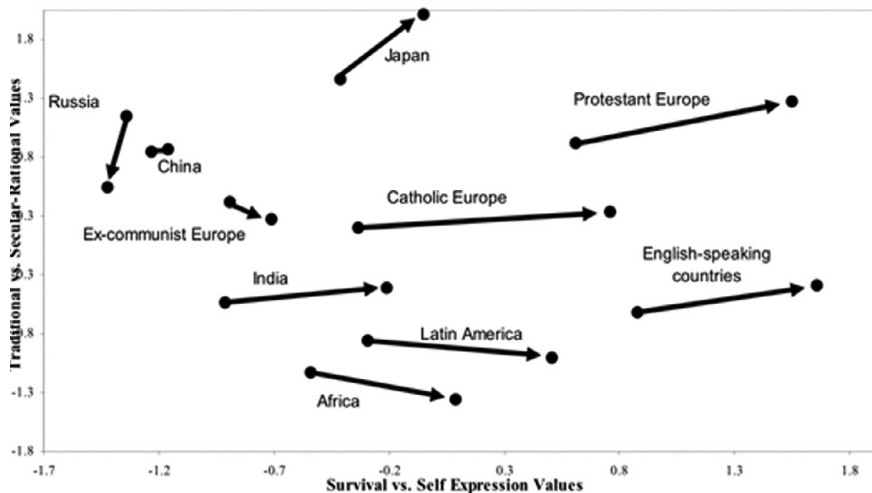

Рис. 3. Как видим по рис. 3, РФ не просто отстает от общего и в целом либерального тренда мировогосоцио-культурного развития, а движется вспять от него.

большой доли занятого населения теперь меньше связан с рационально организованными технологическими процессами.

Несомненно также, что немалую роль сыграло и постепенное изменение идеологии правящей элиты, все больше поддерживающей ползучую клерикализацию общества. Поэтому на вопрос о «роли Бога в вашей жизни», ключевой для отнесения к традиционному типу личности, все больше россиян отвечает положительно.

8. Консервативная атака на общество

Особенность этого ценностного регресса в том, что он протекает при активной поддержке государства. Власть страны-рантье пытается приспособить структуры массового сознания к своим базовым потребностям, реанимируя в нем архаические комплексы, сформировавшиеся на предшествующих стадиях развития.

На основе этих комплексов активизируются такие крайне выгодные для власти настроения как «обостренное чувство национальной гордости» и «большее уважение к авторитету властей». В связи с этим традиционный комплекс включает механизм делегирования ответственности в пользу высшей инстанции, роль которой может играть Бог или авторитарный лидер.

Реставрация традиционной религии после многих десятилетий атеистической пропаганды достаточно проблематична. Поэтому она производится при неприкрытой поддержке государства весьма агрессивно посредством клерикализма в образовании, публичном пространстве, через государственные СМИ и т. д. Такая клерикальная пропаганда ведет не к возрождению искренней религиозной веры, а к насаждению ее суррогатов, в котором упор делается на внешнюю обрядность. При этом возникает феномен религиозности, не связанной с моралью.

Для традиционного комплекса характерны еще аполитичность, приоритет семьи перед более широкими «кругами доверия», что затрудняет создание структур гражданского общества.

Для комплекса «ценностей выживания» характерны ксенофобия и гомофобия, сексизм в отношении роли женщины в обществе, предпочтение государственной собственности частной и т.п. Нет безусловного приоритета ценностей демократии, а напротив есть склонность к поддержке сильного лидера с неограниченной властью. Респондент этого типа менее склонен к общественной активности, не любит подписывать петиции.

Этот беглый и выборочный перечень дает представление о том, что представляют собой ценности современного российского консерватизма.

С целью дискредитации Запада, а также его ценностей, используются компоненты архаических комплексов, вызывающие наиболее сильные массовые эмоции. В этом — смысл гомофобской кампании в связи с принятием закона о запрете пропаганды гомосексуализма. Широкое «общественное обсуждение» этого законопроекта на государственном телевидении активно использовалось с целью шельмования толерантности западных стран к сексуальным меньшинствам.

Такую «консервативную» политику можно сравнить с попыткой родителей вернуть взрослому ребенка в психологическое состояние подростка, для того, чтобы удерживать его в повиновении, управляя известными и привычными им подростковыми комплексами. Но в процессе воспитания воспитателям самим приходится поневоле перестраивать свою психику на подростковый лад.

9. Последствия консервативного разворота

Последствия консервативного поворота для России весьма печальны. Не все из них сейчас очевидно, но некоторые уже налицо.

9.1. Угроза территориальной экспансии

Я имею в виду территориальную экспансию — аннексию Крыма и нынешние авантюры Кремля на востоке Украины.

Агрессивная пропаганда консервативных ценностей не может ограничиваться одними словами. Она должна подкрепляться какими-то делами. Для своего утверждения ценности нуждаются в активностях.

Поэтому у каждого идеологического проекта помимо ценностной составляющей должна быть какая-то одобряемая обществом практическая цель. У либерального проекта она в том, чтобы модернизировать страну, делая ее процветающей. У консервативного — цель в том, чтобы расширять страну территориально.

9.2. Угроза фашизма

В дополнение к этому надо сказать и о таком результате консервативной мобилизации как рост национализма, который является естественным следствием шовинистической ксенофобии. При этом национализм может принимать этническую форму, что взрывоопасно в такой многонациональной стране как РФ.

Не менее, чем перспектива нестабильности, мрачен и прогноз, связанный с усилением радикальных националистических направлений в российской политике. Власть, которая сегодня собирается решать свои текущие проблемы за счет пробуждения темных инстинктов толпы, рискует завтра сама стать жертвой этих же инстинктов, когда они выйдут из-под ее контроля и перейдут под контроль гораздо более жесткой силы.

9.3. Угроза человеческому капиталу

Если двух вышеперечисленных угроз, может быть, и удастся избежать, то этого уже точно нельзя сказать о последствиях реакционного консерватизма для развития страны.

Сравнительное изучение взаимосвязи национальных культурных традиций с темпами экономического развития многих ученых привело к схожим выводам о том, что в этих традициях есть элементы, содействующие развитию и блокирующие его.⁶

Успешная модернизация, как правило, связана не только с удачной экономической политикой, но и с преодолением блокирующих элементов традиции, среди которых особенно вредны нормы и установки, требующие подчинения авторитетам, подавляющие личную автономию и закрепощающие индивидуальную, в том числе предпринимательскую, инициативу.

В российской традиции таких блокирующих элементов немало и они препятствуют высвобождению совсем других потенциалов «русской души», которые как раз могли бы стать двигателем национального развития.

⁶ Лоуренс Харрисон, Кто процветает? М. 2008. NY 1992.

На эти потенции обращали внимание не только русские писатели (например, Лесков в рассказе «Левша»), но и зарубежные ученые.

Американский специалист по истории технологий Лорен Грэхем посвятил целую книгу⁷ одному уникальному парадоксу российской культуры. Он отмечает, что наш народ исключительно богат на таланты, причем не только художественные, но и научные и изобретательские. Но это изобилие талантов резко контрастирует с хронической отсталостью в развитии технологий. Талантов много, но еще больше барьеров на пути их развития и реализации, которые расставляет не только государственная бюрократия с ее репрессивными подходами к управлению страной и подозрительностью к правам и свободам, но и общество, обремененное культурными традициями предубеждения к частной инициативе, предпринимательству и т.п.

Поэтому лампочка накаливания Яблочкова впервые осветила улицы не Москвы и Санкт-Петербурга, а Парижа и Лондона, — и Грэхем приводит массу примеров такого рода.

Получается так: в российской культуре есть очень крупная «заначка» для накопления человеческого капитала, позволяющая совершить прорыв в современную экономику знаний и основанное на ней постиндустриальное общество, но есть и прямо реакционные составляющие, которые наглухо блокируют эту возможность, и в 21 веке продолжают выталкивать «мозги» в другие страны в гораздо больших масштабах, чем они это делали в 19-м.

В результате для более развитых стран мы являемся безвозмездными донорами того самого «серого вещества», которое должно помочь нам самим догнать эти страны.

Заначка лежит в «кубышке», из которой хозяин ее раздает окружающим — безвозмездно и без всякой пользы для самого себя.

Главное преступление реакционного консерватизма перед будущими поколениями россиян заключается именно в

⁷ Лорен Р. Грэхем, *Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России* М. 2014.

том, что он подавляет в нашем народе уникальный потенциал развития, позволяющий России выдерживать конкуренцию с самыми передовыми странами современного и будущего мира.

Экономика знаний 21-го века не терпит рабства и жесткой регламентации, подчинения давлению и принуждению, которые были в принципе совместимы со стратегиями индустриализации века 20-го. Постиндустриальное развитие требует индивидуализации труда работника, роста его самостоятельности, уровня автономии в принятии решений. Все это необходимо для усиления креативности его работы, без которой в экономике знаний невозможно повышение производительности труда и конкурентоспособности.

Консервативный проект препятствует такому развитию, а либеральный проект его требует и поддерживает.

Либерализм — это ключ к развитию России, а реакционный консерватизм — замок на ее модернизации.

10. Миссия либерализма

Историческая миссия либерализма заключается в том, чтобы послужить раскрепощению творческого потенциала российской нации, направить ее на созидательный путь развития, приносящий успех и процветание через возможности, открывающиеся благодаря гарантиям свободы и поддержке частной инициативы. Именно по этому, прорывному пути были направлены великие реформы Александра II, к сожалению, не завершенные. И в этом смысле у российского либерализма есть своя историческая традиция, на которую можно и нужно ориентироваться.

Либеральная идея прокладывает для России кратчайший путь к современной экономике знаний, консервативный тренд заводит ее в лабиринт беспросветных блужданий, в которых страна окончательно потеряет время для преодоления отставания от лидеров мирового развития. С риском, остаться в одном из темных тупиков этого лабиринта.

Для того, чтобы выполнить прорывную миссию, российским либералам предстоит сделать очень многое. Я обозначу только некоторые крупные задачи.

10.1 Реабилитация демократии

Надо продолжать и усиливать работу по реабилитации либеральных и демократических ценностей после дискредитации, которой они подверглись после реформ 90-х, когда эти ценности послужили прикрытием для разворовывания национальных богатств. При этом очевидно, что целый ряд подходов и постулатов Егора Гайдара, Анатолия Чубайса и др. имел нечто общее, скорее, с большевизмом, чем с либерализмом.

Исключительно важно искоренение в общественном мнении предрассудка о том, что либерализм несовместим с принципами социальной защиты. Еще в середине прошлого века многие европейские либералы пришли к выводу, что главная цель либерализма — свободное общество — недостижима в условиях нищеты какой-либо части населения. В настоящее время социальная политика и социальное государство занимают одно из приоритетных мест в программах либеральных движений и партий. Немецкие либералы, например, видят свой идеал «в рыночном хозяйстве с эффективными социальными и экологическими результатами и «стремятся к социальной защищенности самого высокого уровня». Отдельная глава в их программе посвящена «либеральному социальному государству»⁸

С этой же целью реабилитации надо разъяснять обществу, что олигархическая система, возникшая в результате неудачных реформ и процветающая в настоящее время, не имеет ничего общего с либерализмом, так как исключает либеральный принцип равенства возможностей. Эту несовместимость, кстати, олигархия «блестяще» доказала, когда в ходе своей трансформации полностью отбросила любые намеки на либеральные предпочтения и ударилась в реакционный консерватизм.

10.2. Работа с «креативным классом»

Еще одна важная задача заключается в том, чтобы активно работать с «креативным классом», у которого есть есте-

⁸ Висбаденские принципы — за либеральное общество граждан // в: Либерализм. Основные документы либерального Интернационала и Свободной демократической партии Германии. М. 1997, с. 49

ственная склонность к стихийному либерализму, но в тоже время не выстроена система более или менее четких ориентиров. В результате отдельные представители этого класса и его социальные группы легко становятся жертвами дезориентирующих влияний.

У многих из них нет иммунитета к ксенофобии и национализму, а также ряду других направлений консервативной пропаганды. В то же время в этой среде часто возникают соблазны решать политические проблемы через дестабилизацию государства, т. е. путем различных «революционных» сценариев.

Этим соблазнам либералы должны противопоставлять строго правовой и конституционный подход, демонстрируя тем самым абсолютную совместимость ценностей свободы и порядка, если последний основан на законе. С другой стороны, учитывая историю России, исключительно важно подчеркивать, что путем революции в нашей стране очень сложно прийти к свободному обществу, а гораздо легче — через хаос к новой диктатуре. Но еще легче революционными методами спровоцировать власть на очередное «закручивание гаек».

10.3. Раскрепощение национального человеческого капитала

Великая миссия либералов заключается в демонтаже таких элементов российской (а также советско-постсоветской) традиции, которые закрепощают и блокируют развитие и применение талантов и дарований, заложенных в генетических кодах как русского народа, так и всего российского суперэтноса.

Полностью соглашаясь с мнением великого самородка России М. В. Ломоносова о том, что «может собственных платонов и быстрых разумом ньютонов земля российская рождать», мы не можем гордиться этим обстоятельством до тех пор, пока наше государство неспособно обеспечить для этих платонов и ньютонов благоприятные условия реализации их талантов и применения данных талантов в интересах развития страны.

Любая идеология консервативного толка противодействует решению этой судьбоносной задачи. Вместе с подавлением свободы личности и вторжением в ее автономию происходит парализация ее творческих способностей.

Изоляция творческих личностей от им подобных, в том числе иностранцев, блокирует обмен идеями, без которого не могут развиваться научные и технические таланты. Каким-то гениальным чутьем Лесков предвидел это обстоятельство, вкладывая в уста Левши фразу:

«Мы в науках не зашлись, и потому блоха больше не танцует, только своему отечеству верно преданные».

Сказана она не кому иному, как англичанам, которые «зашлись в науках» благодаря атмосфере интеллектуальной свободы, которая окончательно воцарилась в Англии после Славной революции 1689 года.

Защита личности от типично российского бюрократического контроля, с его бесконечными иррациональными запретами, от засилья государственной цензуры, ксенофобии и шпиономании, препятствующих широким международным контактам при одновременной поддержке развития образования на уровне современных мировых образцов — вот деятельность, ведущая к раскрепощению и усилению уникального задела человеческого капитала, которым русских и другие народы России наделили природа и культура.

Эта деятельность по силам только носителям либерального умонастроения, так как разномастные консерваторы любого толка будут либо прямо ей препятствовать, либо сбивать в сторону, подыгрывая инстинктам бюрократии.

10.4. Российский путь к экономике знаний

Огромные богатства, заложенные в генотипе и глубинной культуре русского народа, могут и должны быть использованы для решения важнейшей национальной задачи, которая остро стоит сегодня перед Россией: преодолению огромного отставания в развитии от передовых стран современного мира.

Такая задача решалась в прошлом не раз методами централизации власти и тотального внеэкономического принуждения населения страны. Такова традиция российской

модернизации, заложенная Иваном IV и Петром I, и доведенная до абсолютного кошмара Сталиным.

Это — как раз одна из тех традиций, которые должны быть полностью и решительно отвергнуты.

Во-первых, все без исключения насильственные модернизации в России для развития страны имели лишь временный эффект. После истощения сил государства и общества всегда начинался очередной глубокий застой.

Во, вторых, — и это, пожалуй, более важно. Насильственная модернизация позволяла преодолевать разрывы в развитии в условиях доиндустриального и индустриального экономических укладов, в которых фактор производства знания и интеллектуального продукта не играл определяющей роли.

В индустриальном обществе этот фактор, конечно, был существенно более важен, чем в аграрном, но все же решающую роль здесь играло вовлечение в массовое серийное производство больших контингентов работников физического труда. Для решения этой задачи методы тотальной мобилизации могут применяться как альтернатива рыночным.

В условиях постиндустриальной экономики массовость работников теряет свое значение в силу перманентного внедрения в производство новых интеллектуальных решений, увеличивающих производительность труда. Прибегая к терминологии Маркса, интеллектуальный фактор становится более мощной «производительной силой», чем физический труд, да и не только физический. То, что принято называть «умственным» трудом тоже теряет значение в части, относящейся к рутинным интеллектуальным операциям, которые с гораздо большим успехом выполняет компьютер.

Поэтому «производительной силой» является не просто интеллект, а такие его измерения как уникальность, нестандартность и непредсказуемость — прямо те качества, которые свойственны Левше.

Для того, чтобы личности, подобные Левше, появлялись в максимально больших количествах и более полно реализовали свой потенциал, формируется экономика знаний, основанная на высоких стандартах постоянно развивающегося

образования и интенсивного научного обмена, позволяющего восполнить главный недостаток Левши, т.е., по его выражению, «в науках зайтись».

Что же касается методов насильственной мобилизации, традиционных для России, то при их помощи уникальные качества и таланты можно только закатывать в асфальт, а не стимулировать и поддерживать.

Опыт сталинских «шарашек» не опровергает, а подтверждает этот тезис. Колоссальный интеллектуальный потенциал советских ученых — обитателей «шарашек» возник благодаря не Сталину и не большевикам, а великим реформам Александра II, подарившим России университеты и академическую свободу европейского типа. Совершенно очевидно, что этот потенциал не мог полноценно реализоваться в условиях физического уничтожения, заключения в лагеря и постоянной травли многих тысяч ученых, инженеров, техников и специалистов иного профиля, которые могли бы послужить мощным авангардом экономической и технологической модернизации страны в условиях свободы и — как минимум — моральной поддержки государства.

Выявлять, стимулировать и поддерживать потенциальные таланты, которыми так богата российская земля, может только либеральная модернизация, в основе которой лежит уважение к свободе и правам личности, открытости внешнему миру, а также серьезные усилия государства по созданию современной системы образования и проведению активной научной политики. И в отечественной истории есть прецедент такой модернизации. Это — уже упомянутые Великие реформы, к сожалению, не законченные.

Кратчайший путь России к преодолению отставания от ведущих стран современного мира заключается не в том, чтобы заново возрождать сначала индустриальную экономику XX века, а затем на этом «базисе» строить постиндустриальную «надстройку». Стратегия должна быть принципиально другой: сразу формировать экономику знаний, позволяющую развивать высоко технологические производства (в том числе индустриальные) на уровне передовых достижений производительности труда.

Этот путь не терпит бюрократического засилья государства и традиционалистской закомплексованности общества, равно как и ксенофобских страхов, отгораживающих страну от внешнего мира. Напротив, он требует изменения государства в сторону уважения к правам и свободам общества, открытости его внешнему миру и поддержки им международных контактов и связей, обогащающей научное и культурное творчество.

10.5. Формирование альтернативы

Политическая и экономическая система, сформированная в современной России, не может сохраниться на долгое время. Ее исторический крах неизбежен. Для того, чтобы вместе с ней не рухнула наша страна, необходимо уже сейчас активно предлагать российскому народу альтернативу этой системе.

Мы ясно отдаем себе отчет в том, что в настоящее время либеральные ценности и подходы к политике не разделяются большинством населения России. Но мы даже в самой недавней истории становились свидетелями того, как быстро меняются идеологические тренды.

Путинский режим уже практически исчерпал кредит доверия общества. Попытки удержать популярность за счет геополитических авантур требуют огромных ресурсов, которые тоже находятся на грани исчерпания.

Неспособная решать ни одну из жизненно важных задач страны, путинская система скоро окажется в том же положении, что и советская система в середине 80-х годов прошлого века.

Вот тогда-то и встанет во весь рост вопрос об альтернативе. В конце 80-х — начале 90-х другой альтернативы, кроме либеральной, не было. В настоящее время эта альтернатива появилась в виде агрессивного национализма, порожденного тем самым консервативным трендом, о котором шла речь выше. Ее победа либо возобладание в российском обществе несет в себе угрозу хаоса и разрушения государственности нашей страны.

Выживание России как целостного государства, способного конкурировать в современном мире, может быть связано толь-

ко с либеральной альтернативой, лежащей в основе европейского вектора развития. Либо на следующем историческом этапе Россия станет европейской, либо не станет ее самой.

10.6. Нить Ариадны

Не надо сильно переживать по поводу того, что сегодня либералы находятся в меньшинстве. Их роль в российском обществе можно уподобить той, которую сыграла Ариадна в древнегреческом мифе. Она предложила Ясону нить, которая вывела его из лабиринта Минотавра.

Нить это нечто тонкое, но последовательное. Ее трудно нащупать и легко порвать. Но все эти слабости перекрываются одним огромным преимуществом: без нее нельзя выбраться из лабиринта.

Сергей Сергеевич МИТРОХИН

Председатель Российской объединенной демократической партии ЯБЛОКО с 2008 года, депутат Государственной Думы 1-3 созывов (1994 - 2003), член фракции ЯБЛОКО, зам. председателя Комитета по вопросам местного самоуправления; депутат Мосгордумы (2005 - 2009), руководитель фракции ЯБЛОКО - Объединенные демократы. Кандидат политических наук

Российская объединенная демократическая партия ЯБЛОКО

Почтовый адрес:
119017 Москва,
ул. Пятницкая, д. 31/2, стр. 2
Тел.: +7 495 780 3010
Факс: +7 495 780 3012
E-mail: info@yabloko.ru

www.yabloko.ru